

V. «П. П. СУВЧИНСКИЙ ИЗ КИЕВА»

За текущей эпистолярной поэты иногда стоит история пусть краткого, но несомненно важного для Блока духовного общения.

В архиве П. П. Сувчинского сохранилось письмо:

28 июня 1919

Многоуважаемая Мария Федоровна.

Позвольте просить Вас дать возможность Петру Петровичу Сувчинскому познакомиться с музыкальной жизнью в петербургских театрах. Он командирован для этого из Киева и имеет документы только украинские, потому — может быть, не мешало бы ему иметь удостоверение от отдела Театров и Зрелищ, которое бы окончательно легализовало его пребывание здесь.

Преданный Вам Ал. Блок¹

П. П. Сувчинский (1892—1985), выпускник Тенишевского училища (где он учился у Вл. В. Гишпиуса), выходец из семьи киевских сахарозаводчиков (почему он и стал в сравнительно молодом возрасте издателем журналов и меценатом²), наиболее известен как музыкальный критик, вдохновитель и помощник Сергея Прокофьева и Игоря Стравинского³. Блок впервые услышал о нем в начале 1914 г. в семье Вл. В. Гишпиуса (ЗК, 201) и в том же доме встретился с ним четыре года спустя (ЗК, 388). Позднее между ними состоялся телефонный разговор, по-видимому, коснувшийся «Двенадцати», — 19 марта 1918 г. («Все меня утешают сегодня» — ЗК, 396). 28 июня 1919 г. — в день, которым помечено письмо к М. Ф. Андреевой, по-видимому, не предъявленное адресату, Блок записал: «С 11-ти до 2-х — П. П. Сувчинский из Киева — много болтал умного» (ЗК, 465). Был он у Блока и 8 июля (ЗК, 466). Предстоит еще определить, что именно из этих разговоров могло отразиться в предисловии П. П. Сувчинского к «Двенадцати», написанном год спустя. В этой статье шла речь о «чувственном реализме» блоковского третьего тома, об «ощущении», преобладающем над «воплощением» (как мастера «синтеза» П. П. Сувчинский противопоставлял Блоку Маяковского), о «заеме» образов в иных творческих областях и сакральных откровениях. «Сущность поэмы, — писал П. П. Сувчинский, — в трепетной первой части. Великое смятение, когда, казалось, все перестало стоять на ногах, все опрокинулось среди ветряной ночи „всего божьего света“, и одновременная растерянность всего „сознательного“, жалкая, неуклюжая, трусливая растерянность, бессыдная даже — восчувствованы и претворены удивительно. Все „сознательное“ скользит, падает, шарахается в сторону, хоронится, шепчется, в то время как ветер бесцеремонно „рвет, мнет и носит“ последний символ прошлого „сознательного“ владычества — большой плакат: „Вся власть Учредительному собранию“. Лишь двенадцать „бессознательных“ человек, которым „ничего не жаль“, которые „ко всему готовы“, устояли и идут против ветра и бури, среди огней и метели, да бродяга, один на опустевших улицах, как вещей призрак возвещает „черное, черное небо“, „черную злобу, святую злобу“ грядущих дней. <...> А Блоку стало скучно, душно в мире своих чувственных видений и призраков. <...> С самим собой стало страшно. Хотелось чужого буйства, быть больше наблюдателем, чем самому переживать. А Блок хотел вырваться из этого кольца, отречься от прежних соблазнов эстетизма. Хотелось разрыва, но вышло продолжение. Желанного примитива в частушках „Двенадцати“ нет, а есть, как всегда у Блока, чувственно-утонченное изображение любовного разгула...»⁴. Спустя два месяца по смерти поэта П. П. Сувчинский написал статью, в которой сопоставлял Блока с Пушкиным: «...никто из русских поэтов не очертил, подобно Пушкину и Блоку, своим творчеством и жизнью столь цельный, замкнутый и обособленный круг. Ни у кого не было такого ярко выраженного пути создававшегося, развивающегося мировоззрения. Можно смело сказать — Пушкин и Блок, будучи великими поэтами, были вместе с тем одними из самых больших людей России, на долю которых выпало опытом страстей их жизни — разыграть великую человеческую трагедию. <...> Неразрывного пути (ни творческого, ни жизненного) у Пушкина и у Блока нет. Их пути — это беспутья, недохоженные тропы, разметанные направления. Нет концов достижений. а есть концы — обрывы. И для того и для другого — последний обрыв — смерть, был лишь решительным концом очередного периода»⁵.

В этой же статье есть важное — не столько рассуждение ученого, сколько свидетельство человека блоковской эпохи:

«Подобно тому, как Раевская, Ризнич, Воронцова, Керн, Гончарова, декабристы, Николай Павлович — вплелись в творчество и жизнь Пушкина, многие биографии со временем также должны будут слиться с творчеством Блока, их запечатлевшим»⁶.

Эти чужие биографии отчасти составляют фабульный фон той протяженной эпистолярной эпопеи, которая завязалась вокруг Блока. Речь идет о «диалоге» с миром, ибо при всей своей замкнутости, Блок «воскрешает давно забытое нами слово о Поэте-Эхо и ведет переключку со всем миром»⁷.

В этой связи следует отметить, что авторитетность и влияние Блока, еще в 1905 г. причисленного Брюсовым наряду с С. К. Маковским и А. А. Кондратьевым к «второстепенным поэтам»⁸, к концу 1900-х годов становится весьма опутимой в среде поэтических дебютантов. А. С. Бухов констатировал в 1908 г.: «Этот талантливый поэт в поэтическом обиходе нашей современности стал чем-то вроде уксуса, соли и перца в обиходе домашнем. Им обязательно сдабриваются стихи почти всей нашей поэтической молодежи — талантливой и беспотальной»⁹. Возникает «культ Блока», и в начале 1912 г. киевский литератор Артур Хоминский сообщает поэту об основании «скромного общества имени Блока»¹⁰. На протяжении 1910-х годов приверженность молодежи к Блоку перестает быть сугубо-профессиональной, приобретает общественную окраску. Л. Андреев замечал в начале 1917 г.: «...если за Вербицкой и Северяниным шли низы молодежи, ее моральные morituri, то за Надсоном, как ныне за Блоком (не говорю об огромной разнице дарований) следовали верхи ее, те чистые и светлые души, для которых небо всегда было ближе, нежели земля»¹¹. У молодежи возникало естественное стремление вступить в прямой контакт с поэтом, но оно часто сталкивалось со ставшей вскоре широко известной нелюдимостью Блока. Тот же А. С. Бухов едва ли не обиженно писал о Блоке в 1914 г.: «Живет и пишет замкнуто. Живет замкнуто до грубости. Как средневековый опальный герой, готовый сбросить в ров даже почтальона, принесшего грамоту королевской милости»¹². Поэтому среди части петербургской молодежи возникло нечто вроде вкусового запрета на эпистолярное обращение к Блоку, и в роли «писем к Блоку» выступали статьи о нем¹³, а немногие счастливицы, удостоившиеся быть корреспондентами Блока, всю жизнь прожили в ореоле этого эпизода, вроде одессита Семена Кессельмана (1889—1940), выведенного в прозе В. П. Катаева под именем «Эскес»¹⁴. И чем сильнее Блок-литератор отстранялся в своих письмах от Блока-поэта, тем сильнее было желание счастливых адресатов «вчитать» в деловые письма поэтическую ипостась адресанта. П. Д. Жуков, обменявшийся как-то письмами с поэтом, признавался спустя десятилетие: «Письма Ал(ександра) Ал(ександровича) простотою, исключительной прямою и отстранением себя от своих творений перецелились в моем представлении с его драмами и стихами»¹⁵.

¹ Ксерокопия этого письма представлена нам И. С. Зильберштейном.

² Круг киевских знакомств Сувчинского очерчен в одном из писем А. М. Дубянского из Киева (1919): И. Эренбург, О. Манделштам, Н. Л. Слонимский (ГПБ, ф. 1170).

³ См.: И. М. Нестьев. Жизнь Сергея Прокофьева. М., 1973, с. 144.

⁴ А. Б л о к. Двенадцать. С предисловием П. Сувчинского. София, «Русско-болгарское книгоиздательство», (1920), с. 9—11.

⁵ П. С у в ч и н с к и й. Типы творчества. (Памяти А. Блока). — «На путях. Утвержденные евразийцев», кн. 2. М. — Берлин, 1922, с. 153, 157.

⁶ Там же, с. 166.

⁷ Б. Э н г е л ь г а р д т. В пути погибший. — Об Александре Блоке. Пб., 1921, с. 11.

⁸ П е н т а у р (В. Я. Б р ю с о в). Рец. на кн.: В. Г. Т а н. Стихотворения. — «Весы», 1905, № 5, с. 44.

⁹ «Весна», 1908, № 9, с. 4. Перечислим лишь некоторые из свидетельств рецензентов о влиянии Блока на других поэтов: на Б. Садовского (В. В. Г о ф м а н — «Речь», 1909, 6 июня), В. В. Гофмана (Л. Г р о с с м а н — «Одесские новости», 1911, № 8484), В. Г. Шершеневича (К е р с а к — «Путь», 1911, № 2, с. 76), Н. М. Мешкова (А. Б а р т е н е в (А. А л ь в и н г-С м и р н о в) — «Жатва», кн. 3. М., 1912, с. 265), Ф. И. Котан (Б. Сергеев (Б. А. Лавренев) — там же, с. 274), Л. Копыловой (Е. Г. Лундберг — «Заветы», 1914, № 2, с. 55), Н. Крадиевской (Ан. Чеботаревская — «Заветы», 1914, № 5, с. 53). См. также перечень рецензий, трагующих о влиянии Блока на Городецкого, В. В. Каменского, В. Г. Шершеневича, А. Биленкина, Г. В. Иванова: «Русские советские писатели. Поэты. Библиографический указатель», т. 3, ч. 2. М., 1980, с. 140, 146, 147, 151.

¹⁰ ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 442, л. 1. Ср. в его прозе о «бессмертных словах величайшего из русских поэтов Александра Блока» и эпизод спора о стихах Блока в ресторане: А. Х о м и н с к и й. Уют Дженкини. Первые сны. Киев, 1914, с. 79, 98.

¹¹ «Русская воля», 1917, № 18, 19 января.

¹² А. Б у х о в. Потерянная могила (К постановке блоковских пьес) — «Театр и жизнь», 1914, № 318, 11 апреля.

¹³ См. письмо Ю. А. Никольского к Л. Я. Гуревич — наст. т., кн. 3, с. 462.

¹⁴ См. о нем: «Русская речь», 1984, № 4, с. 10. Возможно, что стихотворение С. Кельмана «Осень» (1914), помещенное им в газете, содержащей подборку материалов о Блоке («На хлеб». Одесса, 1921, 29 августа), входило в число тех, которые он некогда Блоку посылал.

¹⁵ «Книга и революция», 1923, № 4 (28), с. 54. Ср. также характеристику стиля писем Блока к матери: Л. Г и н и в б у р г. О старом и новом. Л., 1982, с. 383—384.

VI. БЛОК В РЕДАКЦИИ «ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»

Работа Блока как организатора «Всемирной литературы» нуждается в специальном рассмотрении. Архив этого издательства в настоящее время, по-видимому, утрачен, поэтому «труды и дни» Блока во «Всемирной литературе» могут быть восстановлены только на основании его записных книжек и сохранившейся переписки с переводчиками. Блок старался привлечь к работе над переводами как можно больше одаренных литераторов. Так, 22 июня 1920 г. Блок пометил: «Гумилеву о <...> Третьякове (переводы, стихи)» (ЗК, 495). В. В. Третьяков¹ впоследствии вспоминал: «Узнав, что я перевожу, он <Блок> вызвался, невзирая на мои просьбы не утруждать себя, сказать обо мне во „Всемирной литературе“. На другой же день я с удивлением узнал, что Блок уже успел осведомить обо мне К. Чуковского и Гумилева. Какая аккуратная памятьливость к земному у человека, прозревающего дали»².

О стиле работы Блока-редактора дают представление его письма к Вс. Е. Чехихину, переводившему Гейне: «Перевод не удовлетворяет меня. Прежде всего, не соблюден размер. Первая строка слишком торжественна, в следующих двух — обилие уменьшительных» (письмо от 11 апреля 1919 г.); «В присланных Вами переводах многие строки, по-моему, хороши. Все-таки, я спорил бы и с размерами (например, в „Германин“) и с отдельными выражениями („обычно“, „рученька“, „сестренка“; сокращения, вроде „поэзии“, „фантазмагоры“»)» (письмо от 6 августа 1919 г.); «Должен Вам признаться, что переводы Ваши не удовлетворяют меня в общем — они очень вольны, часто — небрежны, слишком много — от себя, вообще — не соответствуют целям, какие поставило издательство» (письмо от 29 августа 1919 г.)³.

Блок-организатор предстает перед нами и в двух ниже публикуемых письмах к В. А. Зоргенфрею⁴. Зоргенфрей неоднократно обращался к Блоку в 1919 г. с просьбами о какой-либо работе для «Всемирной литературы». 6 июня, например, он писал: «Берусь опять за Reisebilder и скоро надеюсь окончить „Луккские воды“». Другой переводной работы у меня сейчас нет, и я в некотором унынии. Очень бы хотел получить работу покрупнее, в стихах — прозу не стоит брать. Не имеете ли Вы в виду какого-либо автора? Хотелось бы опять драматическую вещь⁵. Я не знаю, как распределяется работа во „Вс(емирной) Лит(ературе)“. Не переговорить ли с Гумилевым? Он предлагал мне как-то. Мною руководят, как видите, корыстные соображения. Но, помимо этого, стихотворные переводы мне приятны необычайно сами по себе»⁶. Такого рода просьбами и вызваны оба письма Блока 1919 г.

22.V. 1919

Дорогой Вильгельм Александрович.

Когда занесете рукописи Гейне во «Всемирную Литературу», возьмите там, пожалуйста, рукопись драмы Иммермана «Мерлин». Это и есть та работа, о которой я Вам говорил. Перевод и сделан и проредактирован неважно (редактор — Зелинский), его надо безмянно исправить — язык, стиль и стихи⁷. За это можно будет получить, кажется, по 40 коп. за стих, а пьеса — большая, и вся — в стихах. После Зелинского приходится редактировать весь том Иммермана, и в отношении «Мерлина» мы с Гумилевым⁸ очень надеемся на Вас.

Ваш Ал. Блок

5.IX. 1919

Дорогой Вильгельм Александрович.

Ф. А. Браун⁹ сказал, что пока все немецкие поэты розданы для редактирования. Гумилев же предлагает редактировать Вам свой перевод Pucelle (Вольтера), на чем в заседании и порешили¹⁰.

Заглянув в Nagz (пока только мельком)¹¹, я уже обрадовался и мечтаю, что Вы возьмете все-таки «Зимнюю скаку»¹²; а если не ее, то отдельные стихи.

Ваш Ал. Блок